

МАССОВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ - ТЕКСТ - ВНЕТЕКСТОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ

О.М. Крижовецкая

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Крижовецкая О.М., 2022

DOI 10.46573/2409-1391-2022-3-74-79

***Аннотация.** Статья посвящена социологическому аспекту современного литературного процесса. Прослеживаются дискурсивные механизмы, направленные на воплощение авторской концепции смыслов, связанных с изменившимися социокультурными условиями. Рассматриваются писательско-читательские субъектные отношения в массовой культуре, связанные с перераспределением «жизненных» ролей в современном обществе. Подчиняясь принципам дискурс-анализа, автор работы ставит перед собой цель проанализировать бытие литературно-художественного текста массовой культуры в контексте внетекстовой реальности. Выявляются механизмы, определяющие динамические связи между автором современного текста, текстом, реципиентом и его проекцией на текст. На примере романа Л.Улицкой «Медея и ее дети» показано, как практика текстопостроения ориентируется на определенного читателя и соотносится с коммерческой спецификой текста.*

***Ключевые слова:** литературный процесс, современная массовая литература, массовый читатель, дискурс-анализ, текст, миф, нарратив, Л.Улицкая.*

Текст массовой современной художественной литературы одновременно как факт культуры и социума находится под воздействием читателя и, в свою очередь, воздействует на него. Помимо филологического инструментария, изучение такого текста должно вестись и с применением иного, относящегося к дисциплинам социокультурной и антропологической ориентации, среди которых социология, социальная психология, культурология, книговедение и т.д. С учетом этого условия исследователь может анализировать реальный (а не желаемый) формат литературного процесса как сложного синтетического и одновременно динамического и диалогического единства, участниками которого являются реальные (а не умозрительные) участники коммуникации: люди пишущие и люди читающие, которые продуцируют и «потребляют» смыслы (т.е. культурные объекты) (Миловидов, 2007). Говоря иначе, такой аналитический подход позволит выявить и проследить литературные тексты в современном культурном контексте и последствия «работы» этих текстов.

В качестве методологии изучения литературно-художественного текста массовой культуры сегодня широко рассматриваются принципы дискурс-анализа, вошедшие в социологические, культурологические, лингвистические литературоведческие исследования (см., например, об этом: [1], [2], [3]). На наш взгляд, дискурс-анализ представляется наиболее оптимальным в исследованиях текстов современной художественной (в особенности массовой) литературы, так как открывает возможности для разработки и применения методологического инструментария для исследования соотношения текста и внетекстовой реальности.

«Дискурс-анализ литературно-художественного произведения есть выявление механизмов конструирования художественного мира, а также смысловых последствий реализации языковых механизмов, воплощающих замысел писателя» [3, с. 88].

Подчиняясь принципам дискурс-анализа («Дискурс – речь, погруженная в жизнь» [4, с.136], автор настоящей работы ставит перед собой цель проанализировать бытие литературно-художественного текста массовой культуры в контексте внетекстовой реальности (рассмотреть семантику текста в соотнесенности с его прагматикой и синтактикой). Прагматика и синтактика художественного знака определяют семантику текста как смысловую реализацию работы текстовых (смыслопорождающих) механизмов.

В научной парадигме современного социокультурного знания понятия текст, дискурс, нарратив рассматриваются как базовые. Текст содержит скрытые смыслы, нарратив выступает как макроструктурная модель, «специфическая дискурсивная практика представления мира или фрагмента мира в виде сюжетно-повествовательных высказываний, в основе которых лежит некая история (фабула, интрига), преломленная сквозь призму определенной (определенных) точки (точек) зрения» [5, с. 40]. Социальная прагматика нарратива соотносит каждый его тип со значимыми в социуме коллективными представлениями о ценностях, идеалах, мифах. Социальные мифы как мирообразующие константы реализуют космогоническую модель мира, выполняя функции осмысления, упорядочивания и восстановления бытия. Космогоническая модель мироздания, присущая и первобытному, и современному мышлению, дает возможность человеку на разных этапах его существования организовать социальные отношения по архетипическим законам мироустройства, помогает найти выход из хаоса и разъединенности. Такая модель лежит в основе сюжетов современной массовой культуры и литературы, в частности, и отсылает, прежде всего, к исследованию В.Я. Проппом волшебной сказки [6].

Дискурсивные механизмы, направленные на воплощение авторской концепции смыслов, связанных с изменившимися социокультурным условиям и направленными на адаптацию современного общества к этим условиям, попробуем рассмотреть на материале современной популярной прозы в ее качественном варианте – беллетристике (подробнее о дифференциации литературы, беллетристики и массовой литературы литературы здесь: [7]). Романы Л.Улицкой сегодня активно продаются и читаются, олицетворяют культурное «настоящее» как повседневное и удовлетворяют тривиальный интерес читателя. Встраиваясь в культурные стереотипы, «освежая» их и слегка активизируя (подробнее: [8, с. 81-86] беллетристика обеспечивает комфортное для массового читателя узнавание известного в неизвестном, создает чувство удовлетворенности собственной компетентностью в сфере социокультурных феноменов, «помогает человеку уточнить время его существования, отличить себя в толпе как предшественников, так и себе подобных» [9, с. 301]. Сохраняя «формы прошлого» и представляя собой «многослойную структуру», [10, с. 823, 288] массовая литература, в частности, беллетристика создает представление об «упрощенной, сведенной к средним нормам картине литературы эпохи, на основании которой легче всего строить средние исследовательские модели вкуса, читательских представлений и литературных норм» [там же, с. 820].

Беллетристику как изящную словесность отличает игровая репрезентация повествовательных приемов (нарративных моделей) и характерологии (актантных структур) - материал, восходящий к типовым ситуациям человеческих взаимоотношений, который моделируется в виде готовых игровых, ролевых и др. правил и конфликтов.

«Повседневная жизнь современного общества во все возрастающей степени определяется качеством, у которого есть некоторые общие черты с игровым и в котором скрыт необычайно богатый игровой элемент современной культуры» [11, с. 231] - это наблюдение, сделанное в первой половине прошлого столетия, справедливо и в наши дни: игровое содержание современности постоянно пополняется новыми ролями и правилами игры.

В качестве примера обратимся к творчеству Л. Улицкой, произведения которой сегодня активно продаются и читаются, в частности, к популярному среди массового читателя роману «Медея и ее дети». Повествуя о современной повседневности, Л.Улицкая пользуется классическим арсеналом повествовательных приемов и характерологии, но последние принципиально инверсированы. Эта инверсия - возвращение к известным и отработанным моделям в широкой социокультурной практике.

Семья – доминантная первичная культурная общность, один из «топосов» художественного мира современного эпоса. Исследуя современную действительность, точкой отсчета Л.Улицкая делает состояние семьи, в которой меняет содержательное наполнение внутрисемейных ролей.

Отсылая к традиционным образам женственности, Л.Улицкая в то же время разрушает мифы предшествующих эпох о женственности и мужественности, поскольку такие традиционные представления о различиях мужского и женского начал, как активность и пассивность, интеллект и эмоции, сила и слабость, дух и тело в современном популярном романе меняются местами.

Сюжет романа – рассказ о судьбах членов большой семьи Медеи Мендос (Синопли), предки которой приехали в Крым из Греции. «Семейная хроника» превращается в «семейную мифологию» - это определение не раз дается в тексте романа и включает определенный код читательского восприятия.

Образ Медеи Синопли отсылает читателя к героине Коринфского эпоса, но Медея Улицкой лишена важнейших черт античной Медеи (сюжет античного мифа – это история гибели семьи). Отсылая читателя к античной мифологии, но переосмысливая классический сюжет о детоубийстве, героиня вступает в конфликт с семантической структурой устойчивой мифологемы, десемантизирует ее. Античная мифологическая система – «общие мифологические места» [12, с. 24] - разрушается в романе, мифологизм в «Медее и ее детях» становится не содержательным, а формальным компонентом, при помощи которого структурируется повествование,

Медея Мендос – бездетна, она не убийца, а хранительница семейного очага, родовой памяти: героиня объединяет родню, хранит семейный архив, ставит большой крест на могиле родителей, ухаживает за могилой мужа и др. Кроме того, Медея возлагает на себя функции мужские функции патриарха, изменяя гендерные характеристики античной мифологемы: вся ее жизнь сосредоточена на многочисленной многонациональной семье – основных составляющих бытия. Это бытие – символическая модель мира женщины, которую реконструирует автор. Бездетная женщина, праведница, целительница, Медея собирает в своем доме и объединяет многонациональную семью, сглаживает и стабилизирует обстановку в ней. В этом добром отношении к каждому из близких как к единокровному члену семьи заложена идея о возможности бесконфликтного сближения различных культур, религий и народностей – реконструкции некоего Золотого Века, всемирного человеческого братства. «Семья Синопли была представлена всеми своими ветвями – ташкентской, тбилисской, вильнюсской, сибирской...» [13, с. 248]. Синкретизм семьи обеспечивается общей кровью, общим историческим корнем: родословная семьи

Медеи прослеживается до пятого колена. Дом Медеи приобретает символическое значение: центр мироздания, вселенная огромной семьи, храм, священная земля.

Героине Улицкой присущи черты античной божественной красоты: строгое лицо, медные волосы, горделивая осанка и др. Ее социальная роль - медицинский работник - дополняет психологический и нравственный портрет: она всегда и у истока жизни, и у ее исхода. Подобно античной предшественнице, которая выпускала старую кровь из отца Ясона и вливала живительный отвар, Медея Мендос тоже, скорее, проводит обряд, чем медицинские процедуры: промывая раны Самуила (своего мужа) после операции настоем из трав, «она знала, что делала: травы вымывали из него яд болезни». «Это была все-таки жизнь, и Медея готова была нести этот груз бесконечно...» (13, с. 154).

Как и героиня древнего мифа, она наделена даром всеведения, ей открыты тайны мира: «вся округа, ближняя и дальняя, была известна ей как содержимое собственного буфета». (13, с. 6).

Монументальность характера отсылает Медею к древним богам, что непосредственно связано с хронотопическими характеристиками мифа – бог (и Медея) наделен завершенностью, законченностью, вечной жизнью, молодостью или зрелостью. Такое понимание «совершенства и неизменности божественных образов соответствует представлению о цикличности бытия вообще и процессов божественного вмешательства в ход мировой истории» [14, с. 170]: циклично и время мифа, и время романа «Медея и ее дети». Читательская рефлексия читателя направлена к одному топосу как единой точке схождения всех смыслов, а человеческая жизнь трактуется как момент в циклической смене периодов бытия. Мифологично и мышление героини, что проявляется в традициях ее дома и в цикличности ритма ее жизни, соотносимого с природными циклами. В семье существует негласный запрет ходить к колодцу после захода солнца, обычай кормить детей и взрослых за разными столами, наплывы многочисленной родни происходят летом и др. Мифологизм как миропонимание реализуется в романе Л.Улицкой в качестве художественного приема и средства сюжетосложения. Цикличность и повторяемость в нем становятся ведущими принципами повествования, проявляющимися в судьбах героев. Основные родовые черты передаются из поколения в поколение, основные векторы жизненного пути героев повторяются).

В «семейной мифологии» Л.Улицкой цикличность проявляет себя как символ обновления и семейной памяти, упорядочивающих бытие героев; как архитектурный каркас неомифа, утверждающего незыблемость семейных ценностей. Для художественного пространства романа Улицкой характерны уплотнение, концентрация, что предопределено прикрепленностью жизни к ограниченному пространству, существенно не связанному с другим миром. На уровне нарративной структуры подобная концентрация пространства предопределена редукцией хронологического аспекта хронотопа, его циклическим характером. Вероятно, в этом проявляется и одна из характеристик «женского» мира как гендерно окрашенного варианта художественной концепции бытия. Вокруг Медеи Л.Улицкая моделирует внепространственный сюжет: место – везде, время – всегда. Уплотнение, концентрация пространства и, как следствие этого, замедление, исчезновение времени становятся структурирующей основой романа. «Полная растворенность всего во всем отменяет обычные категории времени и пространства (которые суть именно категории), вытесняя представления о прошлом, будущем и настоящем, близком и далеком понятиями *всегда и везде*» [15, с. 47].

Проведенный анализ показывает, каким образом подвергаются трансформации представленные в современной массовой литературе нарративные модели классики. Точкой отсчета в художественном моделировании становятся компоненты и символы первичных культурных общностей, связанные с гендерной дифференциацией, которая проявляется в наиболее значимых категориях поэтики: пространственно-временных отношениях и нарративно-актантных моделях.

«Маскулинизация» женского мифа в романе основывается на инверсии одной из известных женских мифологем. Указание на миф как прецедентный текст содержится уже в названии произведения, автор которого полемизирует с его каноном женского мифа. Женщина становится центром семейного мира и – шире – мира вообще. Проза Л.Улицкой женоцентрична: писатель подвергает инверсированию всю семейную структуру как топологическую основу современной прозы, ее нарративно-актантную модель. Призванная воплотить образ Великой Богини, героиня не является при этом женщиной в матрице культурно-мифологических представлений. В основе ее женской добродетели – мужской образец, она инверсирована при сохранении основных структурных особенностях мифологемы. Обладая чертами и способностями своей предшественницы, Медя Л.Улицкой уступает той по силе кипящих в ней и вокруг нее страстей и представляет собой не просто «анти-Медю», но и некий «сглаженный», цивилизованный вариант мифологического персонажа, адаптированный к уровню современного мировосприятия, поведенческих норм и т.д. Говоря иначе, происходит «беллетризация» мифологической традиции (если исходить из этимологии слова «беллетристика» – изящная словесность; Медя греческого мифа и Медя Еврипида далеко не изящны).

Улицкая отказывается от исторического детерминизма образов романа и обращается к универсальной психологии человека в ее связи с проблемой семьи. Переосмысливая культурные символы, связанные с женщиной, писательница создает новый мономиф, который в современной литературе есть средство «концептуализации мира, того, что находится вокруг человека и в нем самом» [12, с. 24]. Использование методов дискурс-анализа позволило рассмотреть, как авторская система смыслов, обусловленная внетекстовой реальностью, вербализуется и становится текстом – полем рецептивного смыслообразования, формирования системы смыслов и метасмыслов, актуальных для современного массового читателя, находящегося под воздействием внетекстовой реальности.

Библиографический список

1. Андреева К.А. Грамматика и поэтика нарратива. Монография. Тюмень: ТГУ, 1996. 192 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс //ЛЭС. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
3. Бродский И. Нобелевская лекция // Поклониться тени: эссе. СПб.: 2000. С. 297–313.
4. Богатырев А. А. Схемы и форматы индивидуации интенционального начала беллетристического текста Тверь, 2001. 197 с.
5. Волкова Н. А., Миловидов В.А. Интертекстуальность как средство организации воздействия кинематографического текста // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Межвуз. науч.-практ. конф. Тверь, 2007. С. 81–86.
6. Крижовецкая О.М. Литература, беллетристика, массовая литература: проблема дифференциации // Мир русского слова . 2009. № 2. С. 79–84.
7. Лотман Ю.М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: 2005. С. 817–826.

8. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе М.: 2000. 170 с.
9. Миловидов В. А. Поэтика натурализма Тверь, 1996. 162 с.
10. Миловидов В. А. Проблема идеального читателя в контексте методологии дискурс-анализа литературного произведения //Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. Филология. 2007. № 28(56). С. 108–112.
11. Миловидов В. А. Семиотика литературно-художественного дискурса монография. М.: Буки Веди, 2016. 172 с.
12. Пропп В. Я. Морфология сказки М.: 1969. 168 с.
13. Тюпа В. И. Художественный дискурс. (Введение в теорию литературы). Тверь: Твер. Гос. Универ., 2002. 80 с.
14. Улицкая Л. Медея и ее дети. М.: 2003. 256 с.
15. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: 1992. 464 с.

MASS READER - TEXT - EXTRA-TEXTUAL REALITY: TO THE PROBLEM OF CORRELATION

O. M. Krizhovetskaya

Tver State Technical University, Tver

***Abstract.** The article is devoted to the sociological aspect of the modern literary process. Discursive mechanisms are traced, aimed at embodying the author's concept of meanings associated with changed socio-cultural conditions.*

The writer-reader subject relations in popular culture are considered, which are connected with the redistribution of "life" roles in modern society. Obeying the principles of discourse analysis, the author of the work sets himself the goal of analyzing the existence of the literary and artistic text of mass culture in the context of extratextual reality. The mechanisms that determine the dynamic links between the author of a modern text, the text, the recipient and its projection on the text are revealed. Using L. Ulitskaya's novel "Medea and Her Children" as an example, it is shown how the practice of text construction is oriented towards a specific reader and correlates with the commercial specificity of the text.

***Key words:** literary process, modern mass literature, mass reader, discourse analysis, text, myth, narrative, L. Ulitskaya.*

Об авторе:

КРИЖОВЕЦКАЯ Оксана Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Тверского государственного технического университета, спин-код: 1053-8017 г. Тверь, e-mail: krizhok@mail.ru

About the author:

KRIZHOVETSKAYA Oksana Mihailovna – candidate of philological sciences, associate professor of the russian language subdepartment of Tver State Technical University, SPIN-code: 1053-8017, Tver, e-mail: